

К 1150-летию Ростова Великого

Совместный проект ГМЗ «Ростовский кремль» и газеты «Ростовский вестник» о Ростове и о себе
Воспоминания художника Валентина Григорьевича Богданова

• Подготовка к публикации: Вера Пак

Родился я в Ростове в 1936 году, в семье было двое братьев: старший Валентин и я. Отец, Григорий Александрович Богданов, был шорником и хорошим музыкантом, играл почти на всех инструментах, но особенно хорошо на баяне. Мать, Антонина Михайловна, работала в школе техничкой и участвовала в художественной самодеятельности. До войны наша семья жила в Белоруссии в военном городке Житковичи. В те годы на границе было спокойно, и мать это волновало, поэтому в январе 1941 года мы выехали на родину в Ростов. Остановились у родных по линии матери, а когда началась война, отца забрали на фронт, а нас взяли дед Александр Андреевич и бабушка Васса Савватеевна. Так решили, очевидно, родственники, - где лучше жить детям. Жили мы в Авраамиевом монастыре, то есть в деревянном домике в три окна - бывшей монастырской сторожке. Для нас с братом началась новая жизнь у деда с бабушкой. Время шло тяжелое, шли похороны, погибли два моих любимых дяди. После Великой Отечественной войны вернулся отец, но семья, к сожалению, распалась. Так мы и прожили в этом домике до 1952 года.

В пятнадцать лет брат Виктор ушел работать на Рольму «шнуровщиком», а я учился. Учеба мне не давалась, один учебник был на пятерых учеников, не каждый успевал выполнить задание. После окончания войны жизнь была очень тяжелой, выжидали огородам, держали скотину. Ушла из жизни бабка, через пол-года умер дед, нас осталось трое: мы с братом и тетя Оля. Держали уток, занимались охотой, ловили рыбу. Я подросток, помогал копать и полоть гряды, бегал доить на полдни корову. Молока она давала по пятнадцать литров. Мы уживались хорошо: сена накашивали много, кормили тыквой и кормовой свеклой.

Брат рано женился, был взят на службу в армию, осталось нас двое: тетя Оля пенсионерка, да я подросток.

Отец выплатил то, что причиталось сестрам за дом и остался в нем со второй женой и двумя детьми. Меня не обижали, но чувствовалось, что тут был лишний. Мне не хотелось им помогать и быть нянькой, ушел к родной матери, через год поступил в ФЗО в Ярославле плотником-опалубщиком.

По окончании учебы направили отрабатывать в Новосибирск. Через год мать выхлопотала меня через «Трудовые резервы» переводом в Ростов. В 1955 г. взяли в Советскую Армию, попал в секретную часть «Семипалатинск», отслужил, как все, тогда - три года. Просили остаться работать в клубе офицеров художником,

но я не захотел.

Прибыл к матери в сентябре 1958 года, а весной 1959 г. женился. Было тесновато и все не под рукой, пришлось съехать квартиру рядом с работой и садиком.

В то время в артель финифти можно было попасть только по знакомству или по родственным связям. Моя мать просила Н.М. Хрыкова взять меня на работу, так в июле 1959 г. я поступил на фабрику «Ростовская финифть», обучал меня сам Николай Михайлович Хрыков. Он был хороший человек, веселый, каждый день приходил бритый, в галстучке, следил за собой. Через два месяца стал работать самостоятельным мастером.

При мне из научно-исследовательского института Москвы приезжали специалисты, мне запомнилась М.А. Тоне. Они буквально навязывали нам роспись по эмали не такую, что нам нужно. Это было декоративно-прикладное искусство, но не наше. Пришлось писать так, как они учили, в основном писали молодые мастера просто для заработка: быстро пишешь, больше получишь заработка. Старые мастера были категорически против такой живописи, но все-таки пришлось год в этом дже отработать, но на этом все и кончилось. Н.М. Хрыков аккуратно переводил их роспись на нашу: с виду почти так, как учили москвичи, но по сути ближе к ростовским традициям.

Когда артель переименовали в фабрику, мне доверили написать вывеску под стеклом: «Управление местной промышленности / Фабрика «Ростовская финифть» / Ярославского совета депутатов трудящихся» размером 40х60 см. Первая вывеска фабрики «Ростовская финифть» была написана мною.

В газете увидел рекламу, что требуется художник-оформитель на Семимратовский завод древесноволокнистых плит. Пообещали дать квартиру в течение года, я согласился и ездил из Ростова, писал наглядную агитацию. Не прошло и года, получил двухкомнатную квартиру, стал обживать на новом месте, взял сад, построил овощехранилище.

С работой справлялся, жена работала в столовой, дочь училась рядом в начальной школе. Через десять лет ушел на пенсию директор завод ДВП А.М. Семенов, и все пошло на спад: не выполняли план, плохо помогали колхозам, многие ушли - кто куда, а я перешел работать на завод газоочистительной аппаратуры, но там меня перегрузили работой, сделал из меня главного художника «НОТ» (научная организация труда). Под моим наблюдением было десять оформителей, а мне самому хотелось заниматься оформительской

работой. Административная работа была не в моем характере. Приходилось самому ездить за красками и кистями как снабженцу в Москву, так как в Ярославле не было тогда салона для художников, не проводились учебные семинары для художников, а оформители требовались. Я написал письмо на имя министра М.М. Буданова в журнал «Наглядная агитация», в котором изложил состояние в Ярославле, что художникам негде даже материалы купить. Письмо из Москвы переслало в обком партии Ярославля Ф.И. Лощенкову, факты подтвердились. Под Новый год вызвали меня в горком партии Ростова ко второму секретарю М. Белоусову и сообщили, что магазин будет через три года около Летнего кинотеатра в Ярославле. И через три обещанных года действительно стал работать художественный салон. Снабжение было московское в Ярославле перед Олимпиадой-80, обком партии старался, даже семинары проводились каждый год для художников-оформителей.

В то время я коллекционировал в области бонистики. Вел обмен с В.А. Кимом, а также с Н.В. Громовым (старший инспектор пожарной команды Ростова). Друг друга знали хорошо, заживали домом, в общем, были настоящими друзьями, помогали в обмене нужного материала.

Как-то дома у меня появились трое незнакомых мне мужчин, но судя по их разговорам, про меня они были осведомлены. Я смеялся, что это не коллекционеры. Один стоял у дверей, другой разглядывал квартиру, а третий вел со мной разговор. Они просили меня выполнить десять финифтяных плашек, один сказал: «Рисунок я дам, и за это будет тебе машина». Я рискнул пошутить: «Воронок?». Они переглянулись и после короткого разговора уехали, и больше я их не видел.

Вскоре ушел я на фабрику «Ростовская финифть». Работали по бригадам, Нина Николаевна Старчикова принимала у нас продукцию. Познакомился я с молодым художником, сидели за одним столом. Рисунок у него был хороший, но на кисть он брал много масла, писал жидко, я ему посоветовал работать посуше. Это был Володя Груднин. Мы стали очень близкими друзьями, он часто у нас ночевал. Женился на подруге моей дочери Раисы, были у них на свадьбе, но это уже другая история.

Во время моего отпуска пришел представитель из НИИОГАЗа, просил зайти к директору института (по рекомендации заведующей отделом пропаганды и агитации горкома партии Изиды Васильевны Алякритской). А я и рад был всем помочь, пошел работать в институт. В НИИОГАЗе

мне нравилось: никто не диктовал, что и как делать, а наоборот, советовались, а это то, что нужно мне как художнику-оформителю.

Ездил на десять дней по путевке бесплатно в Киев от ростовского горкома партии, а также на семинар в Москву. Все было замечательно, но пришел 1990-й год, и вся агитация и оформление провалились. Купили компьютер, велели учиться и делать рекламу, но, увы, - это не мое.

Мой друг Н. Рубцов выкупил в Ростове помещение, почти весь верхний этаж, в этом здании внизу располагалось АТП. У нас были грузовые и легковые машины, большой цех, пятнадцать рабочих. Каждый занимался своим делом, старались все, в то время ничего нельзя было купить в магазинах. Тогда я и освоил рисование на облицовочных плитках размером 15х15 см. Обжигал их. Мы также ездили в пос. Песочное (под Рыбинск), выменивали железо на керамику, а также деколь. Наклеивали на посуду и обжигали в больших муфельных печах. Посуда продавалась легко. За белой нерасписанной посудой приходилось ехать на специальную свалку в пос. Песочное, куда из цеха вывозили не сортовую посуду и трактором ее давили. Мы успевали набирать: где-то ручка чуть набок, где-то пятнышко черное на чайнике. Эти дефекты исправляли деколью, закрывали пятна рисунком и т.д. В те лихие времена помогали народу и брали за это недорого.

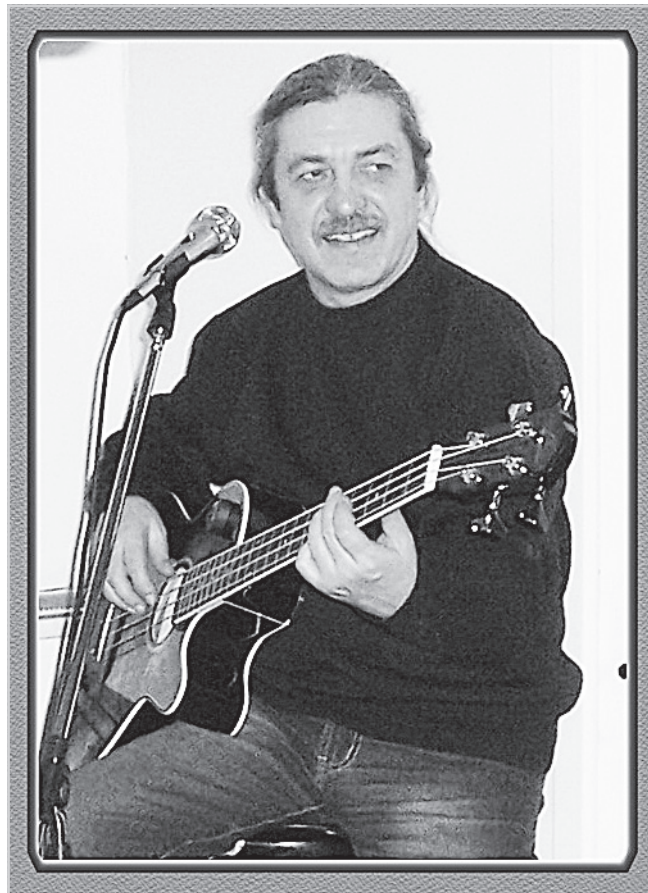
Потом меня пригласили работать на РОМЗ, в цех по выпуску финифти, помогал осваивать живописную продукцию на керамических плитках в 1993 г. На плитках писали не все (2-3 чел.) художники. Продукция хорошо продавалась. Я из плиток делал панно, проработал два года, цех финифти закрыли, ювелиры и художники ушли в надомники.

Последняя моя работа - Автотранспортное предприятие (АТП), директором был Владимир Викторович Фролов. С работой справлялся: расписание движения автобусов, номера, хватало времени и на покраску автобусов, и в том числе успевал писать картины.

Эти картины осели в кабинете директора, часть из них осталась дома. Работы также дарил и главе администрации Ростова А.К. Руденко. В то время в АТП задерживали деньги по четыре месяца. На пенсию ушел в 1999 году.

На фото: 1.1913 год. Отец Григорий Александрович Богданов сидит в центре, на коленях у бабушки, в кругу родственников; 2.1930-е годы. Дед Александр Андреевич (сидит слева) с бабушкой Вассой Савватеевной Богдановыми с родственниками.

Продолжение следует.

Памяти друга

3 июня ушел из жизни Сергей Шарабудинов, человек-легенда, с именем которого прочно связана музыкальная жизнь города последних десятилетий.

Не надо объяснять жителям Ростова, кто это, но вспомнить о нем надо, и не надо забывать, это необходимо для всех нас.

Иса Далгатович (его настоящее имя) родился в горном селе Гуниб Дагестанской АССР, в семье журналиста, редактора газеты Махачкалы и учительницы младших классов. Воспитание, полученное им в интеллигентной семье, чувствовалось во всем.

В Ростове он появился с сестрой Ларисой и мамой - Галиной Яковлевной в начале 60-х годов, и с 12 лет окупился в мир музыки, который захватил его полностью.

Как и сотни своих сверстников, бредил гитарами, барабанами, микрофонами. Но не совсем как все: их школьная группа явно выделялась среди прочих. Начав с 1-го места в школьном конкурсе, он всю жизнь, где бы и с кем ни работал, - неизменно держал первые места. «Эллада», «Лад», «Мармелад» благодаря его творческому прикосновению были особенно любимы всеми. Отличительной чертой их были: яркий вокал, двух-, трехголосие на фоне чистой гармонии звуков. Природное чутье, смесь ну просто невероятной энергии и умение «отличать зерна от плевел» помогали держаться ему и его коллегам в этой непростой позиции. На музыке, которую он нес, воспиталось несколько поколений.

Какой он был? Несмотря на свой «гротескный» характер - прямолинейен, шумен, не терпящий неопределенностей и «пофигизма», а, по сути, нежная и добрая душа - был мечтатель, но мечтатель-реалист. Главные и внезапные его идеи воплощались в реальные проекты. Он постоянно кого-то «вытаскивал», переживал, что где-то пропадают молодые таланты, заболел за отечески и устраивал дальнейшую судьбу многим из тех, кого вы-

таскил, сам при этом неизменно оставаясь в тени.

Кем он был? Он был создатель. И это главное. Музыкальные коллективы, которые он создал или которым безвозмездно помогал, существуют до сих пор. Музыка, которую он играл, звучит до сих пор.

Аппаратура и инструменты, которые он «выбивал», работают во многих музыкальных коллективах Ростова и области, кроме того, он был, пожалуй, единственным мастером в нашем районе, кто ремонтировал динамики.

Он был «бессребренником». Не откликнулся, а бросился - как лев - на помощь тем, кто в ней нуждался, не задумываясь при этом о своем благополучии.

Верен и надежен, предан своим друзьям, бок о бок прошедшим с ним эти долгие годы. Был ими любим, уважаем и почитаем как великолепный музыкант и верный друг.

Он не упал и не пропал, идя только вперед, своего «не меняя лица», как пел в одной из «ладовских» песен.

А еще он был первоклассный ювелир. Его произведения хранятся в частных собраниях, музеях и выставочных залах страны и за рубежом. И здесь он был нетерпим к низкой пробы, халтуре. Это прекрасные работы, созданные в союзе с замечательной художником Ларисой Самоновой, родной сестрой Сергея.

А еще он был...

Очень много хочется про него еще что сказать, но вот что надо обязательно добавить - он был настоящий мужчина. Ни звука, ни стоны, ни каких-либо мыслей и рассуждений вслух о своей болезни. Рукопожатие напоследок и - все.

P.S. Последний разговор по телефону: «Готовьте материал на День города и к юбилею в дальнейшем, будем работать».

... Нам очень не хватает тебя, Далгатыч!

А. Морозов.

Концерт памяти Сергея Шарабудинова состоится

18 сентября в 16.00 часов в Доме культуры «Аронал».

